

Александр Сергеевич Пушкин

Гости съезжались на дачу...

Содержание

I.....	.0004
II.....	.0013
III.....	.0014

**Александр Сергеевич
Пушкин**

Гости съезжались на дачу...

Гости съезжались на дачу * * *. Зала наполнилась дамами и мужчинами, приехавшими в одно время из театра, где давали новую Ит.<альянскую> оперу. Мало по малу порядок установился. Дамы заняли свои места по диванам. Около их составилась кружок мужчин. Висты учредились. Осталось на ногах несколько молодых людей; и смотр парижских литографий заменил общий разговор.

На балконе сидело двое мужчин. Один из них, путешествующий испанец, казалось, живо наслаждался прелестию северной ночи. С восхищением глядел он на ясное, бледное небо, на величавую Неву, озаренную светом неизъяснимым, и на окрестные дачи, рисующиеся в прозрачном сумраке. «Как хороша ваша северная ночь, сказал он наконец, и как не жалеть об ее прелести даже под небом моего отечества?» – «Один из наших поэтов, отвечал ему другой, сравнил ее с русской, белобрысой красавицей; признаюсь, что смуглая, черноглазая италианка или испанка, исполненная живости и полуденной неги, более

пленяет мое воображение. Впрочем, давнишний спор между *la brune et la blonde*[1] еще не решен. Но к стати: знаете ли вы как одна иностранка изъясняла мне строгость и чистоту Петербургских нравов? Она уверяла, что для любовных приключений наши зимние ночи слишком холодны, а летние слишком светлы». – Испанец улыбнулся. «Итак, благодаря влиянию климата, сказал он, Петербург есть обетованная земля красоты, любезности и беспорочности». – «Красота дело вкуса, отвечал русской, но нечего говорить об нашей любезности. Она не в моде; никто об ней и не думает. Женщины боятся прослыть кокетками, мужчины уронить свое достоинство. Все стараются быть ничтожными со вкусом и приличием. Что ж касается до чистоты нравов, то дабы не употребить во зло доверчивости иностранца, я расскажу вам.....» И разговор принял самое сатирическое направление.

В сие время двери в залу отворились, и Вольская вошла. Она была в первом цвете молодости. Правильные черты, большие, черные глаза, живость движений, самая странность наряда, всё поневоле привлекало вни-

мание. Мужчины встретили ее с какой-то шутливой приветливостью, дамы с заметным недоброжелательством; но Вольская ничего не замечала; отвечая криво на общие вопросы, она рассеянно глядела во все стороны; лицо ее, изменчивое как облако, изобразило досаду; она села подле важной княгини Г. и, как говорится, *semit a bouder*. [2]

Вдруг она вздрогнула и обернулась к балкону. Беспокойство овладело ею. Она встала, пошла около кресел и столов, остановилась на минуту за стулом старого генерала Р., ничего не отвечала на его тонкий мадригал и вдруг скользнула на балкон.

Испанец и русской встали. Она подошла к ним и с замешательством сказала несколько слов по-русски. Испанец, полагая себя лишним, оставил ее и возвратился в залу.

Важная княгиня Г. проводила Вольскую глазами и в полголоса сказала своему соседу:

– Это ни на что не похоже.

– Она ужасно ветрена, – отвечал он.

– Ветрена? этого мало. Она ведет себя непростительно. Она может не уважать себя сколько ей угодно, но свет еще не заслужива-

ет от нее такого пренебрежения. Минский мог бы ей это заметить.

– Il n'en fera rien; trop heureux de pouvoir la compromettre.[3] Между тем, я бьюсь об заклад, что разговор их самый невинный.

– Я в том уверена.... Давно ли вы стали так добродушны?

– Признаюсь: я принимаю участие в судьбе этой молодой женщины. В ней много хорошего и гораздо менее дурного, нежели думают. Но страсти ее погубят.

– Страсти! какое громкое слово! что такое страсти? Не воображаете ли вы, что у ней пылкое сердце, романическая голова? Просто она дурно воспитана.... Что это за литография? портрет Гуссейн-паши? покажите мне его.

Гости разъезжались; ни одной дамы не оставалось уже в гостиной. Лишь хозяйка с явным неудовольствием стояла у стола, за которым два дипломата доигрывали последнюю игру в экарте. Вольская вдруг заметила зорю и поспешно оставила балкон, где она около трех часов сряду находилась наедине с Минским. Хозяйка простилась с нею холодно,

а Минского с намерением не удостоила взгляда. У подъезда несколько гостей ожидали своих экипажей. Минской посадил Вольскую в ее карету. «Кажется, твоя очередь», сказал ему молодой офицер. – «Вовсе нет, отвечал он: она занята; я просто ее наперсник или что вам угодно. Но я люблю ее от души – она уморительно смешна».

Зинаида Вольская лишилась матери на шестом году от рождения. Отец ее, человек деловой и рассеянный, отдал ее на руки француженки, нанял учителей всякого рода, и после уж об ней не заботился. 14-ти лет она была прекрасна и писала любовные записки своему танцмейстеру. Отец об этом узнал, отказал танцмейстеру и вывез ее в свет, полагая, что воспитание ее кончено. Появление Зинаиды наделало большо<го> шуму. Вольский, богатый молодой человек, привыкший подчинять свои чувства мнению других, влюбился в нее без памяти, потому что Г**<осударь> встретив ее на Англинской набережной, целый час с нею разговаривал. Он стал свататься. Отец обрадовался случаю сбыть с

рук модную невесту. Зинаида горела нетерпением быть замужем, чтоб видеть у себя весь город. К тому же Вольской ей не был противен, и таким образом участь ее была решена.

Ее искренность, неожиданные проказы, детское легкомыслие производили с начала приятное впечатление, и даже свет был благодарен той, которая поминутно прерывала важное однообразие аристократического круга. Смеялись ее шалостям, повторяли ее странные выходки. Но годы шли, а душе Зинаиды всё еще было 14 лет. Стали роптать. Нашли, что Вольская не имеет никакого чувства приличия, свойственного ее полу. Женщины стали от нее удаляться, а мужчины приблизились. Зинаида подумала, что она не в проигрыше, и утешилась.

Молва стала приписывать ей любовников. Злословие даже без доказательств оставляет почти вечные следы. В светском уложении правдоподобие равняется правде, а быть предметом клеветы – унижает нас в собственном мнении. Вольская, в слезах негодования, решилась возмутиться противу власти несправедливого света. Случай скоро предста-

вилься.

Между молодыми людьми, ее окружающими, Зинаида отличила [Минского]. Повидимому, некоторое сходство в характерах и обстоятельствах жизни должно было их сблизить. В первой молодости Минский порочным своим поведением заслужил также порицание света, который наказал его клеветою. Минский оставил его, притворясь равнодушным. Страсти на время заглушили в его сердце угрызения самолюбия; но усмиренный опытами, явился он вновь на сцену общества и принес ему – уже не пылкость неосторожной своей юности, но снисходительность и благопристойность эгоизма. Он не любил света, но не презирал, ибо знал необходимость его одобрения. Со всем тем, уважая вообще, он не щадил его в особенности, и каждого члена его готов был принести в жертву своему злопамятному самолюбию. Вольская нравилась ему за то, что она осмеливалась явно презирать ему ненавистные условия. Он подстрекал ее ободрением и советами, сделался ее наперсником и вскоре стал ей необходим.

Б** несколько времени занимал ее вообра-

жение. «Он слишком для вас ничтожен», сказал ей Минский. «Весь ум его почерпнут из *Liaisons dangereuses*,[4] так же как весь его гений выкраден из Жомини. Узнав его короче, вы будете презирать его тяжелую безнравственность, как военные люди презирают его пошлые рассуждения».

«Мне хотелось бы влюбиться в Р.», сказала ему Зинаида.

«Какой вздор!» отвечал он. «Охота вам связываться с человеком, который красит волосы и каждые 5 минут повторяет с упоением: *Quand j'ytais a Florence*[5] Говорят, его несносная жена влюблена в него; оставьте их в покое: они созданы друг для друга».

– А барон W.?

– Это девочка в мундире; что в нем – не знаете ли что? влюбитесь в Л. Он займет ваше воображение: он так же необыкновенно умен, как необыкновенно дурен; *et puis c'est un homme a grands sentiments*,[6] он будет ревнив и страстен, он будет вас мучить и смешить, чего вам более?

Однако ж Вольская его не послушалась. Минский угадывал ее сердце; самолюбие его

было тронуту; не полагая чтоб легкомыслие могло быть соединено с сильными страстями, он предвидел связи безо всяких важных последствий, лишнюю женщину в списке ветреных своих любовниц, и хладнокровно обдумывал свою победу. Вероятно, если б он мог вообразить бури его ожидающие, то отказался б от своего торжества, ибо светский человек легко жертвует своими наслаждениями и даже тщеславием лени и благоприличию.

Минский лежал еще в постеле, когда подали ему письмо. Он распечатал его зевая; пожал плечами, развернув два листа, вдоль и поперек исписанные самым мелким женским почерком. Письмо начиналось таким образом:

«Не умела тебе высказать всё, что имею на сердце; в твоём присутствии я не нахожу мыслей, которые теперь так живо меня преследуют. Твои софизмы не убеждают моих подозрений, но заставляют меня молчать; это доказывает твоё всегдашнее превосходство надо мною – но не довольно для счастья, для спокойствия моего сердца»...

Вольская упрекала его в холодности, недобрчивости и проч., жаловалась, умоляла, сама не зная о чем; рассыпалась в нежных, ласковых уверениях – и назначала ему вечером свидание в своей ложе. Минский отвечал ей в двух словах, извиняясь скучными необходимыми делами и обещаясь быть непременно в театре.

III

Вы так откровенны и снисходительны, Всказ.<ал> Исп.<анец>, что осмелюсь просить вас разрешить мне одну задачу – я скитался по всему свету, представлялся во всех Евр.<опейских> дворах, везде посещал высшее общество, но нигде не чувствовал себя так связанным, так неловким как в проклятом вашем Аристокр.<атическом> кругу – Всякой раз когда я вхожу в залу Княгини В. – и вижу эти немые, неподвижные мумии, напоминающие мне Египетские кладбища, какой-то холод меня пронимает. Меж ими нет ни одной моральной Власти, ни одно имя не натвержено мне Славою – перед чем же я робею – Перед недоброжелательством, отв.<ечал> Русский, это черта нашего нрава – В народе выражается она насмешливостью – в высшем кругу невниманием и холодностью. (О мужчинах нечего и говорить). Наши дамы к тому же очень поверхностно образованы, и ничто Евр.<опейское> не занимает их мыслей – Политика и литература для них не существует – Остроумие давно в опале как

признак легкомыслия – О чем же станут они говорить? о самих себе? нет – они слишком хорошо воспитаны. Остается им разговор какой-то домашний, мелочной, частный, понятный только для немногих – для избранных – И человек не принадлеж<ащий> к это<му> малому стаду принят как чужой – и не только иностранец но и свой.

Извините мне мои вопросы, ск<азал> Исп<анец> – но вряд ли мне найти в другой раз удовлетворительных ответов и я спешу вами пользоваться – Вы упомянули о вашей Арис<тократии>; что такое русск.<ая> Арист<ократия> – Занимаясь Вашими законами – я вижу что наследственной Арист<ократии> основанной на неделимости имений у Вас не существует – Кажется между вашим дворянств<ом> существует гражданское равенство – и доступ к оному ничем не ограничен – На чем же основывается ваша т.<ак> на<зываемая> Ари<стократия> – разве только на одной древности родов – Русск<ий> засмеялся – [Вы ошибаетесь] отвечал он – древнее русское [дворянство,] в следствии причин вами упомянутых, упало в неизвестность и со-

ставило род третьего состояния. Наша благо<род>ная чернь, к которой и я принадлежу, считает своими родоначальниками Рюрика и Мономаха – Я скажу на пример, продолжал русск<ий> [с] видом самодовольного небрежения, корень дворянства моего теряется в отдаленной древности, имена предков моих на всех страницах Ист.<ории> нашей. Но если <бы> я подумал назвать себя Аристократом> то вероятно насмешил бы многих – Но настоящая Аристокр<атия> наша с трудом может назвать и своего деда – Древн<ие> роды их восходят до Петра и Елисаветы. Денщики, Певчие, Хохлы – вот их родоначальники – Говорю не в укор: достоинство, всегда достоинство – и Государств<енная> польза требует его возвышения – Смешно только видеть в ничтожных внуках пир<ожников> ден<щиков> певч<их> и дьячков, спесь герцога Монтоген [7] <су>, первого Христианского Барона, [и] Клермон-Тонн<ера> – Мы так положительны что стоим на коленях пред настоящим случаем, успехом и <....> но очарование древн<остью> благодарность к прошедш<ему> и уважение <к> нравственным

дост<оинствам> для нас не существует. Карамзин недавно рассказал нам нашу Историю. Но едва ли мы вслушались – Мы гордимся не славою предк<ов>, но чином какогонибудь дяди, или балами двоюродной сестры – [Заметьте] что неуважение к предкам есть первый признак дикости <и> безнравственности.

Примечания

1

брюнеткой и блондинкой.

[^^^]

принялась дуться.

[^^^]

Он ничего подобного не сделает, так как слишком рад возможности ее скомпрометировать.

[^^^]

(из) «Опасных связей».

[^^^]

5

Когда я был во Флоренции...

[^^^]

6

а кроме того, это человек, способный к сильным чувствам.

[^^^]

Монморанси.

[^^^]